

СЕМИОТИКА

DOI 10.37386/2305-4077-2023-1-104-113

А. И. Куляпин¹*Алтайский государственный педагогический университет*

КАРМАН В СОВЕТСКОЙ ВЕСТИМЕНТАРНОЙ МАТРИЦЕ

Статья посвящена семиотике кармана – важного элемента советской вестиментарной матрицы. Содержимое карманов как нельзя лучше характеризует внутренний мир человека. Карманы образцовых советских людей предсказуемо наполнены предметами, плохо приспособленными для карманной носки, зато подтверждающими их правильную идейность. В карманах «маленького человека» сталинской эпохи либо пустота, либо, как например, у героя рассказа Зошенко «Аристократка», «всякое барахло». В карманах почти всегда что-то скрывают, поэтому в советском обществе, где власть старалась добиться полного контроля над всеми сферами жизни, этот аксессуар одежды постоянно вызывал повышенный интерес и серьезную озабоченность.

Ключевые слова: карман, вестиментарная матрица, костюм, мода, знак, символ, советский менталитет

A. I. Kulyapin*Altai State Pedagogical University*

A POCKET IN THE SOVIET VESTIMENTARY MATRIX

The article is devoted to the semiotics of the pocket, an important element of the Soviet vestimentary matrix. The contents of pockets perfectly characterize the inner world of a person. The pockets of exemplary Soviet people are predictably filled with items that are poorly adapted for pocket wear, but confirm their correct ideology. In the pockets of a “little man” of the Stalin era, there is either emptiness, or, as for example, in the hero of Zoshchenko’s story “The Aristocratic woman”, “all sorts of junk”. People almost always hide something in their pockets, so in Soviet society, where the authorities tried to achieve complete control over all spheres of life, this clothing accessory constantly aroused increased interest and serious concern.

Keywords: pocket, vestimentary matrix, suit, fashion, sign, symbol, Soviet mentality

В 1935 году знаменитый парижский модельер Эльза Скиапарелли не только побывала в Москве, но и «разработала небольшую коллекцию моделей специально для советских женщин». Однако, вопреки ожиданиям, ее проект не нашел поддержки у властей: «Чиновники заявили, что дизайн выглядит слишком “банально”, а карман станет слишком большим соблазном для воришек в общественном транспорте» [Бартлетт, 2011, с. 105]. Думается, что практический соо-

¹ Александр Иванович Куляпин – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета, iskander58@mail.ru.

бражения («соблазн для воришек») в данном случае все-таки преобладали над эстетическим («слишком банально»). В Советском Союзе 1920–1930-х годов карманные воры, так называемые «щипачи», а вовсе не признанные дизайнеры диктовали основные тенденции развития моды. Знания Эльзы Скиапарелли о стране победившего социализма были слишком поверхностные, она явно не понимала, тех особенностей советской жизни, которые были понятны даже детям, «сталинским солнцем согретым».

Беспризорники из повести Виктора Астафьева «Кража» (1966) собираются удрать за границу. Интересна их формулировка цели побега: «Главный “мотив” – пробраться на иностранный корабль и рвануть за границу – подивиться, как они там живут, буржуи. Говорят, большие ротозеи, деньги кладут куда попало, даже в наружные карманы, российских людей российские воришки давно уже отучили так делать» [Астафьев, 1980, с. 19]. Этот эпизод отнесен к 1939 году.

Во введении к разделу «Деньги» «Голубой книги» (1934–35) Михаил Зощенко рисует фантастическую сценку прибытия на Землю инопланетянина «с Марса или там с Юпитера». В разумном существе «с другой культурной планеты», однако, по всем его привычкам несложно опознать Homo soveticus: «И вдруг оно чувствует, как чья-то рука лезет в его карман, которого, вообще-то говоря, у него и нету, а деньги, по обычаю своей планеты, оно, может быть, держит на груди» [Зощенко, 1994, т. 3, с. 169].

Повальное распространение воровства приводит к тому, что теперь и самим щипачам впору беспокоиться о своих карманах. Герой рассказа Михаила Зощенко «Вор» (1923) Васька Тяпкин, «по профессии карманник», не зря волнуется: «А и подлый же до чего народ пошел! Гляди в оба, как бы из твоего кармана чего не стырили. И стырят. Очень просто. На кондукторшину сумку, скажем, засмотрелся – и баста – стырили уж! Елки-палки...» [Зощенко, 1994, т. 1, с. 137].

Наученные горьким опытом советские граждане привыкли держать в карманах лишь малоценные вещи. Именно поэтому, не сомневаясь в высочайшем престиже профессии карманника у советских граждан, зощенковский рассказчик все же призывает читателя не завидовать Ваське Тяпкину:

«А только не завидуй ему, читатель, – ничего не стоящая это профессия. В один карман влезешь – дерьмо: зажигалка, может быть; в другой влезешь – опять дерьмо: платок или, например, папирос десяток, или, скажем, еще того чище – счет за электрическую энергию.

Так, баловство, а не профессия.

А которые поценнее вещи – бумажник там или часы, что ли – дудки» [Зощенко, 1994, т. 1, с. 136–137].

Андрей Белый, анализируя особенности гоголевского сюжета, подметил, что в начале «Мертвых душ», когда «еще ничего не сказано о лице Чичикова; еще ничего не знаешь о свойствах его душевной жизни», уже с «фотографической точностью» описана его шкатулка красного дерева. Объясняется это просто: «...лар-

чик – не ларчик; в нем и утаено подлинное лицо еще не показанного героя; он и ларчик, и символ души Чичикова» [Белый, 1934, с. 44].

В «Системе моды» Ролан Барт вполне обоснованно отнес карманы к числу элементов костюма, «наиболее широко восприимчивых к смыслу» [Барт, 2003, с. 219]. Карманы, пожалуй, даже еще в большей степени, чем шкатулки, сундуки, чемоданы могут служить «символом души» литературных героев, их содержимое как нельзя лучше характеризует внутренний мир человека. Так, если заглянуть в карманы героя «Золотого тельца» (1931) Александра Ивановича Корейко, можно убедиться в янусообразности его личности: «Паниковский на четвереньках подобрался к месту побоища и сзади запустил обе руки в карманы геркулесовца. Корейко лягнул его ногой, но было уже поздно. Железная коробочка от папирос «Кавказ» переключалась из левого кармана в руки Паниковского. Из другого кармана посыпались на землю бумажонки и членские книжечки» [Ильф, 1961, с. 138]. Вещи из правого кармана принадлежат примерному советскому гражданину, а вот коробочка из левого кармана, в которой лежат десять тысяч, выдает в нем подпольного миллионера.

В карманах образцовых советских людей часто оказываются предметы, плохо приспособленные для карманной носки, зато подтверждающие высокую идейность их обладателя. Комсомольский секретарь Окунев из романа Николая Островского «Как закалялась сталь» (1932–34) принципиально игнорирует портфель, который пренебрежительно держит под кроватью. Отправляясь на службу он, «рассовывает по карманам кучу документов, справок, отношений» [Островский, 1955, с. 265]. Молодогвардеец Ваня Земнухов в коридоре школы появляется «с карманами, полными газет, и с книгой <...>, неизменно спокойный, молчаливый, с этим скрытым вдохновением, которое таким ровным и ясным светом горело в душе его, отбрасывая на бледное лицо его какой-то дальний отсвет, – все товарищи, а особенно ученики младших классов, его питомцы-пионеры, с невольным почтением уступали ему дорогу, как будто он и в самом деле был профессором» [Фадеев, 1982, с. 85]. А вот в карманах «маленького человека» сталинской эпохи либо пустота, либо, как у героя знаменитой «Аристократки», «всякое, конечно, барахло» [Зошенко, 1994, т. 1, с. 172].

Впрочем, есть пункт, в котором писатели 1920–1930-х годов вне зависимости от идеологической позиции демонстрируют редкостное единодушие, наполняя карманы граждан всевозможной снедью.

Писателей ортодоксально-советского толка такое необычное использование карманов ничуть не смущает. Персонаж романа Николая Островского, демонстративно отказавшийся от портфеля для бумаг и документов, отказывается и от продовольственной сумки, со службы он возвращается с карманами, набитыми едой: «Окунев выгрузил из кармана длинную воблу, завернутую в газету, а из другого – два ломтя хлеба». Довершает портрет комсомольского вожака еще одна яркая деталь – обедает он тоже по-революционному, «сидя на столе» [Островский, 1955, с. 266].

Для писателей, настроенных по отношению к советскому режиму оппозиционно, новые привычки выглядят комично. Так, Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите» иронизирует по поводу поступившего в жилтоварищество заявления, с «потрясающим по своей художественной силе описанием похищения пельменей, уложенных непосредственно в карман пиджака, в квартире № 31» [Булгаков, 1990, с. 93–94].

Тоталитарная власть добивается полного контроля над всеми сферами жизни, идеальным считается мир, «где просматривается каждая точка, где индивиды водворены на четко определенные места, где каждое движение контролируется, где все события регистрируются» [Фуко, 1999, с. 288].

Сумка-авоська, вероятно, далеко не случайно обрела такую популярность среди советских граждан, ведь ее содержимое у всех на виду. В карманах, напротив, почти всегда что-то прячут, поэтому в обществе, где превыше всего ценится прозрачность, этот аксессуар одежды вызывает беспокойство.

Лучше всего было бы обойтись совсем без карманов, как в тюремной одежде. Александр Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича» (1962) выделил эту существенную особенность лагерного костюма: «...на фабрике телогрейки для эзков шьют без карманов» [Солженицын, 2012, с. 22].

За пределами тюремной зоны вовсе запретить одежду без карманов, конечно, не получится – надо изобретать какие-то способы контроля за их содержанием. Когда герой фильма Роберта Земекиса «Назад в будущее 2» (1989) Марти МакФлай перемещается в антиутопический мир 2015 года доктор Эмметт Браун прежде всего рекомендует ему вывернуть карманы, пояснив: «В будущем так ходят все подростки». Земекис, разумеется, утрирует ситуацию, но не так уж сильно. Стремление власть имущих заглянуть в карманы подданных порождает в СССР почти те же формы контроля, что в фильме «Назад в будущее 2». Приказ вывернуть карманы советские граждане слышат регулярно.

В «Педагогической поэме» (1935) есть эпизод, в котором Макаренко, не прибегая напрямую к обыску колонистов, настойчиво требует показать карманы:

«Я вышел из-за стола и сказал Карабанову:

– Револьвер у тебя есть?

– Нет, – ответил он твердо.

– Покажи карманы.

– Неужели будете обыскивать, Антон Семенович?

– Покажи карманы.

– Натe, смотрите! – закричал Карабанов почти в истерике и вывернул все карманы в брюках и в тужурке, высыпая на пол махорку и крошки житного хлеба» [Макаренко, 1987, с. 322].

К наиболее поразительным странностям в поведении советского человека относится противоестественное желание вынужденное выдать за добровольное. Парадоксальность советской ментальности хорошо отразил Михаил Зощенко.

В рассказе «Гости» (1927) хозяйка квартиры обвиняет гостей в краже лампочки, на что те тут же предлагают: «– Пушай тогда произведут поголовный обыск.

Приняли меры. Закрыли двери. Начали устраивать обыск.

Гости сами поочередно выворачивали свои карманы, и расстегивали гимнастерки и шаровары, и снимали сапоги. Но ничего такого предосудительного, кроме нескольких бутербродов и полбутылки мадеры, двух небольших рюмок и одного графина, обнаружено не было» [Зоценко, 1994, т. 1, с. 364–365].

Советскому человеку скрывать нечего. Комсомолец по прозвищу Сметана из романа-хроники Валентина Катаева «Время, вперед!» (1932) может смело крутиться на турнике, не опасаясь невольного саморазоблачения, в его карманах ничего предосудительного нет, оттуда во все стороны летят только «медные деньги, пуговицы, карандашики, перья, обеденные талоны» [Катаев, 1983, с. 286]. Сыну кулака и вредителю Саенко, напротив, есть что прятать. Потайной карман Саенко устраивает в интимнейшем месте: «Саенко задумался, расстегнул штаны и полез через ширинку во внутренний карман. Вытащил завязанную шнурком от ботинок большую пачку кредиток. <...> Саенко, отворачиваясь от людей, воровато и быстро укладывал новые деньги в пачку старых – совал через ширинку в какой-то глубокий, потайной, внутренний карман» [Катаев, 1983, с. 289–290, 392].

Там же, где катаевский Саенко, хранит свои сбережения вчерашний крестьянин Тишка – герой романа Александра Малышкина «Люди из захолустья» (1937–38). Ему тоже приходится расстегнуть штаны, чтобы упрятать заработанное на стройке: «Деньги он, конечно, получил: за полтора месяца, за вычетом долга за обеды, шестьдесят шесть целковых, и успел уже сбежать в темные сени и, расстегнув штаны, упрятать получку вместе с прежним капиталом (домашней пятишницей и десяткой, полученной от Петра за мануфактуру), завязав карман бечевкой» [Малышкин, 1965, с. 305].

По остроумному предположению Александра Жолковского, в рассказе Михаила Зоценко «Аристократка» «...сексуальные потенции героя символизируются деньгами, которых у него ‘кот наплакал, самое большое, что на три’, точнее ‘в обрез (!) на четыре штуки’. Что это уравнение – не наши, выражаясь языком героя, смешные фантазии, видно из непосредственно следующей фразы: “Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег – с гулькинос”» [Жолковский, 1999, с. 20]. Добавим, что далее следует характерный жест выворачивания карманов по сути тождественный публичному обнажению: «А я вывернул карманы – всякое, конечно, барахло на пол вывалилось, – народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю» [Зоценко, 1994, т. 1, с. 235].

Слово карман тюркского происхождения, где *kar-*, по одной из версий, «врываться, проникать» [Фасмер, 1986, с. 201]. Не столь важно, правильна ли эта гипотеза с точки зрения этимологии, с точки зрения истории моды она выглядит весьма убедительно. Как известно, напоминающие современные карманы раз-

резы появились в европейской одежде в XIII веке, через них можно было дотянуться до сумочки, висевшей на поясе. Дамы эту сумочку-карман «носили под нижней юбкой и привязывали к талии» [Эдвардс, 2019, с. 42]. То есть с семантикой проникновения карман связан изначально. Вор-карманник не просто посягает какое-то имущество, он еще и вторгается в самое сокровенное для каждого человека пространство.

Евгений Добренко назвал культуру сталинского периода «культурой воспаленных границ» [Добренко, 2000, с. 114]. Можно добавить, что в эту эпоху максимально наэлектризована была граница не только между «советским и непременно враждебным» окружающим миром, но и граница, отделяющая интимное пространство от коммунального. В 1930-х годах ««интимность» стала негативным понятием, часто противопоставляемым “гражданственности”» [Кларк, 2018, с. 167].

Незащищенность личного пространства от вторжений извне не может не восприниматься предельно болезненно. Остроты добавляет то обстоятельство, что большинство советских граждан само наличие приватного пространства отрицает, а значит, залезть к кому-то карман не зазорно. Персонаж рассказа Михаила Зощенко «Фокин-Мокин» (1943), приняв рассказчика за директора артели, дарит ему «хорошенькую зажигалочку», а когда ошибка выяснилась, он не просто потребовал зажигалку назад, а «с бранью стал вынимать» ее из чужого кармана. «Нет, я бы отдал ему сразу то, что получил, – поясняет рассказчик. – Но меня задела его нетактичность. Как это можно совать руки в чужие карманы? И добавок хватать за плечи!» [Зощенко, 1994, т. 2, с. 353]. В готовности героя добровольно расстаться с неожиданным подарком можно, конечно, усомниться. Об этом свидетельствует последняя фраза рассказа: «Хорошенькую зажигалочку мне все же пришлось отдать симпатичному владельцу» [Зощенко, 1994, т. 2, с. 354]. Дело, однако, не только и не столько в понравившейся вещичке, ведь герои Зощенко отчаянно защищают даже пустой карман или карман, которого вообще нет.

Сознательный вор Васька Гусев из рассказа Зощенко «Бедный человек» (1924) в честь «огромного праздника» 1 мая собирается облагодетельствовать какого-нибудь бедного человека, но заканчивается это трагикомически.

«Васька Гусев подошел к бедняку поближе, нащупал карман в рыжих штанах и сунул туда портсигар.

Портсигар провалился в карман и вдруг с грохотом упал на панель. В рыжих штанах карманов не было.

Человек в рыжих штанах охнул и схватил Ваську за руку.

– Воруют! – закричал он, сжимая Васькины руки» [Зощенко, 1994, т. 1, с. 225].

Очевидно, что единственное имущество, которое мог гипотетически похитить Васька Гусев и которое так рьяно защищает советский бедняк – «дыра в кармане, да вошь на аркане» [Зощенко, 1994, с. 177].

Курьезно сетование рассказчика на отсутствие карманов у посетителей бани в рассказе М. Зощенко «Баня» (1925): «А голому человеку куда номерки деть? Прямо сказать – некуда. Карманов нету. Кругом – живот да ноги. Грех один с номерками. К бороде не привяжешь» [Зощенко, 1994, т. 1, с. 278]. Комизм ситуации заключается в том, что у одетого гражданина карманов столько же, сколько у голого. Потеряв в бане номерки, герой просит выдать пальто по приметам: «Один, говорю, карман рваный, другого нету» [Зощенко, 1994, т. 1, с. 397].

Известный американский психолог Ролло Мэй главной проблемой середины XX века назвал «опустошенность» человека: «Пророческие слова, прозвучавшие в одной из поэм Т. С. Элиота в 1925 году, описывают внутренний мир многих людей: “Мы полые люди”» [Мэй, 2022, с. 9, 10]. Определение Т. С. Элиота вполне применимо к зощенковским персонажам. Пустота (отсутствие) карманов избличает, разумеется, не столько их материальную, сколько духовную нищету, тот экзистенциальный и смысловой вакуум, в котором они пребывают.

Как ни странно, карманы отсутствуют и у того, чья жизнь нараспашку, и у того, кому есть что скрывать. Герой романа «Как закалялась сталь» Павка Корчагин вступает на путь бунта, насыпав попу в пасхальное тесто махорки. После чего в целях конспирации зашивает карманы:

«Лицо попа побагровело.

– Не курите, мерзавцы, а, махорку кто в тесто насыпал? <...> Выверните карманы! Ну, живо! Что я вам говорю? Выворачивайте! <...>

Черноглазый, глядя с затаенной ненавистью, глухо ответил:

– У меня нет карманов, – и провел руками по зашитым швам.

– А-а-а, нет карманов! Так ты думаешь, я не знаю, кто мог сделать такую подлость – испортить тесто!» [Островский, 1955, с. 19–20].

Подпольщики, ведущие тайную борьбу с врагами, нередко прячут документы в подкладке одежды. Так поступают, например, молодогвардейцы в романе Александра Фадеева. Получив «временный комсомольский билет» Радик Юркин клятвенно обещает: «Я зашью его в курточку и буду всегда носить с собой» [Фадеев, 1982, с. 470]. Той же поведенческой модели следуют родные Олега Кошевого, собирая его в дорогу после провала «Молодой гвардии»: «Кто-то зашил в тужурку его комсомольский билет, бланки временных комсомольских билетов» [Фадеев, 1982, с. 564]. Особенно примечательно в этой фразе появление неопределенного местоимения «кто-то», при том, что помимо Олега Кошевого в эпизоде задействованы всего четыре персонажа (мать, бабушка, дядя Коля и Марина). Дело в том, что этот «кто-то» становится невольным виновником ареста Кошевого. При обыске в жандармерии немецкий ефрейтор с легкостью обнаруживает так бесхитростно спрятанные документы.

На противоположном от молодогвардейцев полюсе в системе персонажей романа вызывающий отвращение ээсовский палач Петер Фенбонг, который носит на теле своего рода вериги: «Это была разделенная на маленькие карманчики, каждый из которых был застегнут на пуговичку, длинная лента из прорезиненной мате-

рии, обвивавшая тело Петера Фенбонга крест-накрест через оба плеча и охватывавшая его повыше пояса. Сбоку она была стянута замызганными белыми тесемками, завязанными бантиком. Большая часть этих маленьких, размером в обойму, карманчиков была туго набита, а меньшая часть была еще пуста» [Фадеев, 1982, с. 348]. В потайных карманах эсэсовец хранит валюту многих стран, кольца, брошки, драгоценные камни и даже золотые зубы, вырванные у арестованных.

«Временные комсомольские билеты» молодогвардейцев сделаны «из плотной бумаги, на какой чертят планы и карты», и на «взаправдашные» они похожи лишь размером [Фадеев, 1982, с. 470]. Однако, даже пустые бланки таких «билетов» Олег Кошевой не может оставить, а тем более уничтожить, слишком велика их ценность, разумеется, не материальная. Принимая в комсомол Радика Юркина, Кошевой лаконично сформулировал символическую значимость «невзаправдашнего» удостоверения: «Храни его, как собственную честь» [Фадеев, 1982, с. 470].

Удивительно, но и патологический стяжатель Фенбонг, наряду с деньгами, золотом и драгоценными камнями прячет на теле нематериальные ценности – пачку «советских “синеньких”, то есть сотенных, от которых он, правда, не ожидал никакой материальной выгоды, но которые все же оставил у себя, потому что жадность его уже переросла в маниакальную страсть коллекционирования» [Фадеев, 1982, с. 349].

«Подпольный человек» Фенбонг недаром так тщательно прячет от всех свои сокровища. Ради этого ему приходится никогда не снимать мундир и не мыться. Заметившие эту странность немецкие солдаты подозревают, «что у него болячки на теле, которые он стыдится показать» [Фадеев, 1982, с. 163]. Догадка не лишена основания. Правда «болячки» эсэсовца не физиологического свойства. Жемчужина его коллекции советские купюры с портретом Ленина, как оказалось не имеющие никакой материальной ценности – только идейную, советскую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Астафьев, В. П. Кража / В. П. Астафьев // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. – Москва: Молодая гвардия, 1980. – С. 5–240.

Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 511 с.

Бартлетт, Дж. Fashion East: Призрак, бродивший по Восточной Европе / Дж. Бартлетт. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. – 360 с. ил.

Белый, А. Мастерство Гоголя. Исследование / А. Белый. – Москва; Ленинград: ОГИЗ, 1934. – 324 с.

Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. – Москва: Художественная литература, 1990. – С. 5–384.

Добренко, Е. Искусство социальной навигации (очерки культурной топографии сталинской эпохи) / Е. Добренко // Wiener Slawistischer Almanach. – 2000. – № 45. – С. 93–134.

Жолковский, А. К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия / А. К. Жолковский. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 392 с.

Зощенко, М. М. Собрание сочинений: в 3 т. / М. М. Зощенко. – Москва: ТЕРРА, 1994.

Ильф, И. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров // Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. – Москва: ГИХЛ, 1961. – С. 5–386.

Катаев, В. П. Время, вперед! / В. П. Катаев // Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. – Москва: Художественная литература, 1983. – 590 с.

Кларк, К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / К. Кларк. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – 520 с.: ил.

Макаренко, А. С. Педагогическая поэма / А. С. Макаренко // Макаренко А. С. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. – Москва: Правда, 1987. – С. 147–570.

Малышкин, А. Люди из захолустья / А. Малышкин // Малышкин А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – Москва: Правда, 1965. – С. 123–480.

Мэй, Р. Человек в поисках себя / Р. Мэй. – Санкт-Петербург: Питер, 2022. – 384 с.

Островский, Н. Как закалялась сталь / Н. Островский // Островский Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. – Москва: ГИХЛ, 1955. – 416 с.

Солженицын, А. Один день Ивана Денисовича: Рассказы 60-х годов / А. Солженицын. – Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2012. – 352 с.

Фадеев, А. А. Молодая гвардия / А. А. Фадеев // Фадеев А. А. Сочинения: в 3 т. Т. 3. – Москва: Художественная литература, 1982. – 639 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. II (Е – Муж) / М. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1986. – 672 с.

Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

Эдвардс, Л. Как читать платье: путеводитель по изменчивой моде от Елизаветы Тюдор до эпохи унисекс / Л. Эдвардс. – Москва: Эксмо, 2019. – 224 с., ил.

REFERENCES

Astaf'yev, V. P. Krazha / V. P. Astaf'yev // Astaf'yev V. P. Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 2. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1980. – S. 5–240.

Bart, R. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury / R. Bart. – Moskva: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2003. – 511 s.

Bartlett, Dzh. Fashion East: Prizrak, brodivshiy po Vostochnoy Yevrope / Dzh. Bartlett. – Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011. – 360 s. il.

Belyy, A. Masterstvo Gogolya. Issledovaniye / A. Belyy. – Moskva; Leningrad: OGIZ, 1934. – 324 s.

Bulgakov, M. A. Masteri Margarita / M. A. Bulgakov // Bulgakov M. A. Sobraniye sochineniy: v 5 t. T. 5. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1990. – S. 5–384.

Dobrenko, Ye. Iskusstvo sotsial'noy navigatsii (ocherki kul'turnoy topografii stalinskoy epokhi) / Ye. Dobrenko // Wiener Slawistischer Almanach. – 2000. – № 45. – S. 93–134.

Edwards, L. Kak chitat' plat'ye: putevoditel' po izmenchivoy mode ot Yelizavety Tyudor do epokhi uniseks / L. Edwards. – Moskva: Eksmo, 2019. – 224 s., il.

Fadeyev, A. A. Molodaya gvardiya / A. A. Fadeyev // Fadeyev A. A. Sochineniya: v 3 t. T. 3. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1982. – 639 s.

Fasmer, M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. II (Ye – Muzh) / M. Fasmer. – Moskva: Progress, 1986. – 672 s.

Fuko, M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my / M. Fuko. – Moskva: Ad Marginem, 1999. – 480 s.

Il'f, I. Zolotoy telenok / I. Il'f, Ye. Petrov // Il'f I., Petrov Ye. Sobraniye sochineniy: v 5 t. T. 2. – Moskva: GIKHL, 1961. – S. 5–386.

Katayev, V. P. Vremya, vpered! / V. P. Katayev // Katayev V. P. Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 2. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1983. – 590 s.

Klark, K. Moskva, chetverty Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evolyutsiya sovetskoy kul'tury (1931–1941) / K. Klark. – Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. – 520 s.: il.

Makarenko, A. S. Pedagogicheskaya poema / A. S. Makarenko // Makarenko A. S. Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 1. – Moskva: Pravda, 1987. – S. 147–570.

Malyshkin, A. Lyudi iz zakholust'ya / A. Malyshkin // Malyshkin A. Sochineniya: v 2 t. T. 2. – Moskva: Pravda, 1965. – S. 123–480.

Mey, R. Chelovek v poiskakh sebya / R. Mey. – Sankt-Peterburg: Piter, 2022. – 384 s.

Ostrovskiy, N. Kak zakalyalas' stal' / N. Ostrovskiy // Ostrovskiy N. Sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 1. – Moskva: GIKHL, 1955. – 416 s.

Solzhenitsyn, A. Odin den' Ivana Denisovicha: Rasskazy 60-kh godov / A. Solzhenitsyn. – Sankt-Peterburg: Azbuka-Attikus, 2012. – 352 s.

Zholkovskiy, A. K. Mikhail Zoshchenko: poetika nedoveriya / A. K. Zholkovskiy. – Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1999. – 392 s.

Zoshchenko, M. M. Sobraniye sochineniy: v 3 t. / M. M. Zoshchenko. – Moskva: TERRA, 1994.